

УДК 328.147.88
ББК 74.268.1

Л.А. Суркова

ПОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ (ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Автор телевизионных программ о донской истории и культуре, лауреат всероссийских и международных теле- и кинофестивалей делится опытом проведения занятий со студентами-журналистами на спецкурсе «Культура на телевидении» и в творческой мастерской. На ярких примерах показана эффективность интерактивного подхода к обучению профессиональным навыкам будущих журналистов, побуждающего студентов к развитию творческой инициативы и расширению собственного кругозора.

Ключевые слова: журналистика, культура, кругозор студента, попытка творчества, поиск жанра, культурные ориентиры, Лицей.

Суркова Любовь Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории журналистики факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8-918-554-75-44

© Суркова Л.А., 2012.

Мы встречаемся обычно на середине учебного пути – в момент, когда за плечами будущих журналистов первые пять университетских семестров. Между зимой и летом третьего курса. По замыслу, наши встречи должны помочь студентам приблизиться к профессии. Среди разнообразных характеристик этой профессии есть такая, как публичность. Умение не просто сформулировать собственные мысли, но и донести их до читателя, слушателя, зрителя. Озвучить. Как показывает практика, для многих студентов, записавшихся на спецкурс, эта задача оказывается и неожиданной, и невыполнимой. И, тем не менее, все задания в творческой мастерской должны быть прочитаны вслух и обсуждены. Это обязательное условие.

Как правило, в группе двадцать с небольшим человек. И мы начинаем знакомство с того, что каждый представляется и, поскольку речь пойдет о культуре, называет пять имен писателей, художников, композиторов, актеров, режиссеров. На первом занятии – без подготовки.

Очень любопытно наблюдать как, будучи застигнутыми врасплох, одни нервничают и лихорадочно вспоминают, другие наоборот эпатируют аудиторию. Но нужно не только выступить самому, но и слушать других. И слышать. Это еще обязательное требование к профессии журналиста.

Любопытно, что даже такое блиц-знакомство дает представление о культурном уровне группы, её предпочтениях. Возможно на этом моменте не стоило бы особенно останавливаться, если бы

не бросающаяся в глаза закономерность. Например, в последние годы в своих ответах студенты практически не называют театральных актеров и режиссёров. В основном звучат имена, знакомые по экрану. Причём отечественные кинодеятели в этих импровизациях значительно уступают зарубежным. Характерно, что в каждой группе находятся люди, которые обязательно назовут Юрия Никулина и Сергея Бондарчука.

С композиторами тоже всё обстоит непросто. Но здесь разброс больше – от Баха и Вивальди до Чайковского и Скрябина. Несколько раз в композиторы попадал Федор Шалапин. И каждый раз один или несколько человек вспоминают Игоря Крутого.

С художниками всё обстоит более гладко, но назвать конкретные произведения затрудняются. Кроме «Черного квадрата» Малевича.

Характерно, что в каждой группе встречаются русские студенты, которые называют только зарубежных деятелей культуры. Студенты из Африки, Монголии и Китая в ряду всемирно известных имен обязательно вспоминают своих соотечественников. Они с удовольствием комментируют эти имена, а случается, что и переводят на русский язык тексты песен или стихотворения.

Год назад последним в группе отвечал африканец. В его перечне были только русские имена. На вопрос: «Почему так?» – студент ответил, что надо уважать культуру страны, которую ты выбрал как место учёбы. Его слова неожиданно заставили всех притихнуть и, может быть, задуматься. Во всяком случае, в том семестре студенты не раз вспоминали эту ситуацию.

И ещё одно. Удивительно, что, называя писателей, участники семинара практически не выделяют своих великих земляков – Чехова, Шолохова или Солженицына. Но вот без Пушкина не обошлось ни разу. С Александром Сергеевичем, вообще, на наших занятиях связана особая история. Но об этом чуть позже.

Так случилось, что на наших занятиях мы часто обращаемся к трудам Ю.М. Лотмана, и сегодня снова вспоминается одна из его формул: «Культура, прежде всего, – *понятие коллективное*. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в её развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, – явление общественное.

Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определённой социальной организацией.» [Лотман, с. 5].

Прежде чем говорить со студентами о культуре, мы пытаемся сверить часы – определиться в том, что понимаем под словом «культура».

Каждый студент должен найти к нему десять синонимов.

И вот, когда они начинают вслух читать эти слова, неизбежно делают открытие о большой разнице между словом написанным и произнесённым.

Слово произнесенное ставит очень много вопросов – от ударения до смысловых нюансов. Снова вспоминается Лотман: «Мы хотим по-

нимать историю прошлого и произведения художественной литературы предшествующих эпох, но при этом наивно полагаем, что достаточно взять в руки интересующую нас книгу, положить рядом с собой словарь того или иного иностранного, древнерусского или даже современного русского языка – и понимание будет гарантировано. Но каждое сообщение состоит, в действительности, как бы из двух частей: того, о чём говорится, и того, о чём не говорится, потому что оно и так известно... Романы или газеты пишутся для современника, поэтому из них мы не узнаем того, о чём не писалось потому, что было слишком известно. Но мы не всегда имеем возможность заполнить эти пропуски воображением и опытом. Как правило, мы просто, не замечая того, оставляем пустоты незаполненными. Не постесняемся сказать, что в прошедших эпохах нашей истории мы без специального изучения оказываемся иностранцами или даже инопланетянами.» [Лотман, с. 387].

В одной из групп было задание на основе стихотворения А.С. Пушкина «Анчар» написать сценарий телевизионного сюжета. Так вот, для того, чтобы понять задание, студентам пришлось несколько раз прочесть вслух стихотворный текст. Читали по очереди. Это было испытание – столь незнакомыми и непроизносимыми оказались для них некоторые слова. Однако сюжеты получились любопытные.

Пытаясь сформулировать своё понимание слова «культура», студенты обращаются к собственному опыту, запасу знаний, представлению о мире. И результат получается абсолютно разный, иногда даже полярный: от прикладного – «формы досуга» до концептуального – «основа цивилизации». После выступления нескольких человек аудитории становится очевидно, насколько различны трактовки. Но кто прав?

Постепенно роли в группе распределяются в соответствии с характерами. Но на первых порах приходится назначать «стасовых» и «белинских», комментирующих услышанное. Поскольку каждое задание должно быть не просто прочитано вслух, но и обсуждено. Кто-то робеет, кто-то не хочет портить отношения, кто-то боится позднее услышать критику в свой адрес, у кого-то на этот момент просто нет своего мнения.

На втором-третьем занятии они уже втягиваются в игру и начинают замечать содержательную банальность, стилистическую несуразность, вечную путаницу согласований, управлений, примыканий, которыми грешат практически все.

В последние годы бросается в глаза общий низкий уровень грамотности студентов, их скудный словарный запас. С некоторыми курсами, в качестве разминки, мы даже играем в детскую игру: из одного слова составляем максимальное количество других. Из слова «благородство», например. Тут сразу видно, у кого какой словарь. Но все поправимо, если студент сам чувствует свое слабое место.

Практически на каждом курсе среди наших заданий есть интервью *с интересным человеком*. Этот термин – *интересный человек* – из лексикона студентов. Как правило, они декларируют желание проинтервьюировать абстрактного *интересного человека*. Но, когда мы конкре-

тизируем задачу, обнаруживаются серьёзные проблемы с качеством вопросов. Однажды я пригласила на занятия главного редактора журнала «Иностранная литература» и известного переводчика. Но оказалось, что студентам нечего спрашивать, – они ничего толком не знали ни об этом издании, ни о других толстых журналах, ни о современной зарубежной литературе, ни о роли переводчика. И только после часовой беседы вопросы возникли, но занятие кончилось.

Когда мы не можем определиться в выборе объекта для интервью, я предлагаю кандидатуру А.С. Пушкина. Чем не *интересный человек*? Десять вопросов Пушкину, заданные каждым студентом вслух, мгновенно обнажают и невежество, и заштампованность. Первые вопросы у большинства о жене – словно Александр Сергеевич ничего в жизни и не писал.

Но к счастью, в группе всегда есть люди, чьи вопросы задают планку – они знают творчество, они знают личность. Такая сравнительная терапия даёт самые действенные результаты – почувствуйте разницу в постановке вопросов, в подходе и в кругозоре. А выводы – дело каждого.

В принципе, на наших встречах есть несколько обязательных правил: не бояться ошибиться или сказать глупость, анализировать услышанное – ведь мы же учимся. И ещё – не завидовать чужому успеху. А если чья-то работа очень нравится, можно аплодировать.

Бывают дни, когда под аплодисменты проходит всё занятие.

Я не люблю слово «анонимный», но в конце семестра, когда зачеты уже поставлены, предлагаю студентам написать свои впечатления или ассоциации с нашим курсом. Без подписи. Мне хочется знать, в одну ли сторону мы смотрим.

Листочков с ужасным почерком, увы, с ошибками набралось уже много. Я позволю себе процитировать некоторые. Анонимно:

«... я научилась, не стесняясь, читать и обсуждать свои работы, правильно понимать задание и мыслить шире.»

«Попытка понять себя. Что я умею и чему ещё нужно учиться, что я знаю и о чём нужно обязательно узнать.»

«Творческие мастерские помогли мне преодолеть страх прочтения своей работы перед большой аудиторией.»

«Я впервые за четыре года услышала выступление моих одноклассников. Я уверена, в душе они собой гордятся и благодарят Вас.»

«Система оценок – аплодисменты – помогают и учат воспринимать критику. Спасибо за возможность познать себя глубже.»

На наших занятиях поощряется разнообразие жанров. Например, после посещения театра или музея нужно написать работу – репортаж, рецензию, эссе. Иногда получается нечто совсем другое. Встречаются стихи или частушки.

Открытый много у обеих сторон. Для меня было неожиданностью узнать, что большинство студентов прежде не бывали ни в театре, ни в

музее, ни на симфоническом концерте. Или что они не знают значение слова «вернисаж».

Для студентов было неожиданностью узнать, что перед походом на спектакль, концерт или выставку, неплохо бы располагать информацией об авторах, исполнителях, жанрах.

Им повезло – весной 2009 г. в Ростовском музее изобразительных искусств работала выставка Марка Шагала. Экспозиция состояла из графических произведений на библейские темы. Работы, написанные после посещения этой выставки, оказались настолько любопытны, что я передала их в музей и они были опубликованы на сайте.

Но есть несколько работ, прочитанных под аплодисменты, – они скорее не для печати, а для себя. Например, эта: *«Я не часы с синим крылом и мне безумно жаль»*.

Вы когда-нибудь путали сон и реальность? У вас была депрессия? Может быть вам казалось, что вы двигаетесь в то время, как вы сидите?.. Не моё это... чужое. Из книги Сюзанны Кейсен “Прерванная жизнь”. Но это первое, что пришло в голову, при виде картины Шагала “Часы с синим крылом”. Знаю, странные ассоциации, почти бредовые. Но они продолжают непрерывным потоком атаковать моё сознание.

А знаете, в 60-е, в Америке была популярна группа Joy Division и в текстах их песен есть такая великолепная строчка: “Я не картина Уорхолла и мне немного жаль”. И вот, глядя на картину Шагала, я непроизвольно переделываю строчки из этой песни. “Я не часы с синим крылом и мне безумно жаль”. Как бы я хотела стать этими часами, парить и парить себе над городом. Застыть. И чтобы время застыло. Чтобы не чувствовать, как оно уходит, а самой стать временем. Но у меня, в отличие от этих старинных часов, нет крыльев... ни одного крыла! Ни синего, ни белого, никакого. Нет вдохновения. А время идёт. Новая музыка не пишется. А время идёт. Мечты не сбываются. А время продолжает идти. И даже сейчас, когда я смотрю на картину, где время затаило дыхание.

Остановилось. И мне кажется, что там оно может идти назад и вперед, из настоящего в прошлое и обратно... даже сейчас я чувствую, как моё время идет, и я ничего не могу с этим поделать. И я становлюсь старше, но не взрослею. Может еще поэтому меня так зацепила эта картина.. В ней одновременно чувствуется что-то инфантильное, лёгкое и нечто такое, отчего печаль усиливается и становится трудно дышать. Старинные часы взлетают всё выше. А я падаю. Я даже это задание правильно выполнить не смогла. Просто не смогла заставить себя написать эссе о картинах на библейские сюжеты. Наверно, я не религиозный человек, потому что вся эта тема у меня вообще не вызывает никаких эмоций. Святое писание, Адам и Ева, рай, душа, бессмертие... А, по-моему, с душами людей после смерти вообще ничего не происходит. Остаются трупы. Вот и всё.

Хотя многим, чтобы стать трупами, умирать вообще не приходится. Они и при жизни мертвы. Живые трупы. Понимаете о чём я? Я о тех миллиардах inferналов, которых вообще ничего не волнует. И сейчас вы,

наверное, думаете, о, боже мой, что она несёт, и как это всё связано с творчеством Шагала? Но для меня ещё как связано. Ведь всё, что я сейчас пишу, как раз и порождено этой картиной. Этой простой, но волшебной картиной. И сейчас я смотрю на неё, и думаю о том, что совсем скоро я ничем не буду отличаться от тех миллиардов инферналов, о которых говорила ранее. Ничто уже не будет меня волновать. Совсем скоро получу свой диплом о высшем образовании! Пиар! Отлично! Ты же этого хотела?! Устраивайся в фирму. Это офис, закрытые пространства, работа, это деньги, это реквием по всем твоим мечтам – здорово! Ведь это зарплата, стабильность, это твои персональные часы без крыльев, которым не суждено взлететь.

Ну, а вообще мне немного не по себе оттого, что многие люди на прошлом занятии так искренне, от всего сердца описывали свой восторг от библейской выставки, кто-то даже вспоминал своё первое знакомство со священным писанием. А я? А я вспоминаю отрывки из книги о людях с психическими расстройствами и абсолютно спокойно заявляю, что хотела бы стать часами.

Да, очевидно, мне не хватает духовности. Может, я уже морально мертва? Мне не хватает воздуха. И как писал Ричард Хелл: “Я тону. Я уже утонул. Но я по-прежнему молодой и красивый”. И я знаю, о чём он. И я знаю, о чём эта картина. Можете называть это сумасшествием, я предпочитаю думать, что во мне вдруг пробудилась некая творческая эмпатия. Я словно чувствую тоже, что сам автор чувствовал, когда писал эту картину. Я читала, что незадолго до смерти Шагал взял её в руки и стал молча рассматривать. Он смотрел долго, пристально, как на чужую работу. И пробормотал едва слышно, сам себе:

– Каким надо быть несчастным, чтобы это написать...

Так вот я, будущий труп, у которого нет крыльев, чувствую его тогдашнюю печаль. И поэтому есть надежда, что для меня ещё не всё потеряно. Ведь если даже мимолётный взгляд на эту картину порождает неумолимый поток столь странных ассоциаций, вызывает эмоции, от глубины которых начинает болеть голова... ведь тогда очень может быть... что я ещё не совсем мертва.»

Я снова перебираю листочки со студенческими отзывами – здесь есть и об этом: «... здесь все ведут себя очень искренне. Даже чужие, на первый взгляд люди, становятся чуточку родней. Ведь они в своих зарисовках раскрывают часть собственной души».

«Благодаря этому курсу, я впервые попала в музей – волшебное чувство. Я была потрясена, увидев картины вживую, а не в Интернете. Теперь я постоянный посетитель музеев и театров.»

«Мы коснулись и произведений искусства, и правил поведения, и даже толковали значения слов из произведений великих классиков. Да, что там! Мы даже общались с ними!»

«Этот курс у меня ассоциируется не столько с культурой на телевидении, сколько с нашим собственным просвещением. Искоренением в нас цинизма и невежества, нигилизма и апатии к литературе.»

Однако не будем обольщаться. Наш курс может быть продуктивным не только при условии его интерактивности, но если в процесс вовлечен культурный потенциал каждого студента. Опять вспомним Лотмана: «...и тот, кто действует, и тот, кто отражает реальные действия в искусстве, и тот, кто воспринимает это отражение, должны обладать запасом памяти, значительно превосходящим каждую конкретную потребность... История, отражённая в одном человеке, в его жизни, быте, жесте, изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга.» [Лотман, с. 389].

Но ощутить себя наследниками отечественной и мировой культуры студенты, зачастую, не готовы. Как-то минувшей осенью я попросила написать к следующему занятию эссе о значении даты 19 октября в русской культуре. Наступила тишина. Я повторила задание. Оказалось напрасно. Они расслышали, но не поняли. А это был уже четвертый курс. Те студенты, с которыми мы встречались и на третьем, а теперь они снова записались в творческие мастерские. Но ни один из них не вспомнил день Лицея.

Оставшееся до сессии время мы посвятили погружению в историю культуры, новой виток которой начался с 19 октября 1811 г. Мы читали Пушкина (наизусть), вспоминали его друзей – лицеистов, литературные журналы, появившиеся с той поры, изменившийся русский язык и еще многое, что стало эхом этого октябрьского дня.

Разумеется, каждый студент, в конце концов, задание выполнил. И я приведу только одно:

«Если ввести в интернет-поисковике дату "19 октября", полученный результат будет примерно таким: "День ракетно-артиллерийских войск Армении", "День юриста в Молдове", "День беатификации матери Терезы", "День национальных героев на Ямайке". И только какая-нибудь десятая ссылка будет содержать строки: "Роняет лес багряный свой убор"... именно эти строки пробудили во мне воспоминания о том, как на протяжении десяти лет ученической жизни, каждый октябрь мы отмечали праздник – День Лицея. Ежегодно устраивались Пушкинские чтения, ставились спектакли, обязательно рисовались красочные стенгазеты... и завершалось все это долгожданным Осенним балом, в котором, на зависть малышам, могли участвовать только старшеклассники.

Я совсем забыла об этом празднике. Ведь не буду же я, вся такая занятая и взрослая, наряжаться в этот день в бальное платье или докучать знакомым выразительным чтением стихов. Я забыла. А многие вообще и не знают о его существовании. О том, что в 1810 году в Царском Селе под Петербургом было основано, а 19 октября 1811 года открыто привилегированное закрытое учебное заведение для подготовки высших государственных служащих, знаменитый Царскосельский лицей. Открывший такие имена, как Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков... О том, что за 33 года существования (1811 – 1844) лицей выпустил 286 человек. И практически все они достигли больших высот на государственной службе, среди них – министры, сенаторы, видные дипломаты, ученые.

Люди не помнят об этом событии. Их нельзя винить в этом. Современная жизнь с ее бешеным темпом и огромным потоком зачастую совершенно лишней информации, способна заставить нас забыть даже о дне рождения родного и близкого человека. Кроме того, теперь так много новых праздников, таких как Хэллоуин и День Святого Валентина, праздновать которые гораздо веселее.

Но, каждый раз, забывая то, что является частью нашей истории и культуры, мы теряем безвозвратно что-то важное, то, что невозможно заменить оранжевыми тыквами и картонными сердечками.»

Литература

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

РЕЦЕНЗИИ
